

МАРИНА СЕРОВА

**Выше только
ЗВЕЗДЫ**

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Как в индийском кино

«Научная книга»

2011

Серова М. С.

Как в индийском кино / М. С. Серова — «Научная книга»,
2011 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

«Нет, нужно искать человека, который имеет связи в Индии, потому что индийский ресторан и Джалал Сингх, которому якобы отправили в Калькутту контейнер, не могли появиться сами собой. Кроме того, в Стамбульском аэропорту Вадима и остальных встречал человек с наверняка новыми документами на всех них, и они тут же куда-то вылетели. А если вспомнить, чем занимался Вадим, то интерес к нему вполне могли проявить иностранные разведки. Но как они на него вышли?..»

Содержание

Как в индийском кино	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Как в индийском кино

Погода была до того мерзкая, что мне решительно не хотелось высовывать нос на улицу, но вот выглянуть в окно я все-таки отважилась, о чем тут же пожалела: низкое декабрьское темно-серое небо выглядело крайне неприветливо, грозя очередной порцией дождя. Да-да! Именно дождя, ибо природа выдавала непостижимые уму сюрпризы! В начале ноября в Тарасове ударили такие морозы, что даже Волга встала раньше обычного! А вот с конца ноября начались оттепели, и дороги с тротуарами покрылись грязной кашей, под которой скрывался коварный лед. Таким образом, езда превратилась в малоувлекательную лотерею: то ли тебя стукнут, то ли ты в кого-нибудь впишешься. А уж мыть машину стало занятием совершенно бесполезным – зачем стараться или тратить деньги, если она буквально через пару кварталов превращалась в нечто непотребное.

– Что жизнь, что погода! – тяжело вздохнула я и, мельком глянув на часы – была уже половина десятого! – вернулась на диван. – Невесело начинается неделя! Да и чего другого ждать от понедельника, дня тяжелого? Да еще когда на календаре тринадцатое число!

Да и правда – жизнь у меня в последнее время была не сахар! Планету охватил глобальный финансовый кризис, который не обошел стороной и меня, при всей незначительности моей скромной персоны. Ну скажите на милость, какое дело капитану, чье судно в открытом море треплет жесточайший шторм, до того, чем занимаются крысы в трюме его корабля? Да пусть они хоть припасы лопают, хоть в горелки играют! Тут не до них! Живым бы остаться да судно спасти! Вот и в нашей сухопутной жизни та же картина. Когда люди изо всех сил стараются сохранить свой бизнес и как-то удержаться на плаву, их совершенно не волнует, чем занимаются их дражайшие или не очень дражайшие половины. Да и все прочие проблемы уходят на такой дальний план, что о них и не вспоминают. Таким образом, мои услуги частного детектива оказались временно никому не нужны, и я маялась от безделья, безденежья и скуки. Смотреть телевизор решительно невозможно – мне здоровая психика нужна, на развлечения денег, естественно, нет. Идти в гости к кому-нибудь из подруг с пустыми руками неприлично, а уж приглашать их к себе и подавать фигу на стол – и подавно.

Все домашние дела я давно переделала, приведя в порядок даже доставшуюся мне от бабушки однокомнатную квартиру, которой пользовалась крайне редко, и уже дозревала до мысли сдать ее, чтобы хоть как-то поправить материальное положение, ибо мои финансы не просто пели романсы, а в голос выли от безденежья. Хорошо еще, что я давно бросила курить и эта, причем очень солидная, статья расходов исчезла из моего бюджета. Но вот кофе! Я привыкла пить хороший зерновой, ну, по крайней мере, молотый лучшего качества, а к растворимому, пусть и дорогому, никогда даже не прикасалась. Одним словом, я прочно сидела на мели, и перспективы мне рисовались исключительно в мрачных тонах!

Вздохнув еще раз, я устроилась поудобнее и собралась погрузиться в блаженную полудрему, мечтая о чем-нибудь приятном, когда раздался телефонный звонок, и я от неожиданности подскочила на постели – давненько он молчал. С сумасшедшей надеждой на звонок будущего клиента я бросилась к телефону, заранее решив собственными руками убить звонившего, если окажется, что это кто-то из моих знакомых или просто ошиблись номером. Но не ошиблись!

– Татьяна Александровна Иванова? – услышала я в трубке хорошо поставленный вальяжный голос.

– Да, это я, – ответила я, замирая от надежды.

– Ваш номер мне дал Олег Иванович Холодов, причем с самыми лестными рекомендациями, – продолжил мужчина.

Холодов был помощником нашего тарасовского вице-губернатора, чьего сына я когда-то вытащила из одной очень мерзкой истории еще до того, как она стала достоянием гласности, и тем спасла Олегу Ивановичу карьеру, за что он был мне, естественно, бесконечно благодарен.

– Да, я знакома с ним, – заметила я.

– Он также сказал мне, что вы умеете держать язык за зубами, чем выгодно отличаетесь от прочих представительниц слабого пола, – продолжил мужчина.

– Это неперемнная составляющая моей работы, – просто ответила я.

– Вот я и хочу предложить вам работу, – деловым тоном заявил мужчина.

– Я слушаю вас, – с готовностью отозвалась я и предложила: – Вы не могли бы представиться, чтобы нам было удобнее разговаривать?

– Это лишнее, – сухо ответил он. – Называйте меня просто Клиент.

– Хорошо, – согласилась я, потому что у меня еще и не такие случаи бывали, и повторила: – Я слушаю вас.

– Вам нужно до конца сегодняшнего дня выяснить, не произошло ли какого-нибудь несчастья с одним человеком, моим подчиненным. В пятницу вечером он ушел из дома и до сих пор не вернулся. Подобное несколько раз случалось в прошлом, но он всегда приходил на работу, а сегодня так и не появился.

– Сроки жесточайшие, но я справлюсь! – пообещала я и заметила: – Господин Клиент, но ведь с пятницы прошло уже достаточно времени, и его родные могли написать заявление в милицию, дав делу законный ход.

– Это нерационально, – сказал он как отрезал и пояснил: – Там будут работать ни шатко ни валко, и поиски могут затянуться на месяцы, а нам важна оперативность. К этому прибегнут только в том случае, если ваша работа окажется безрезультатной. Итак, вы беретесь?

– Да! – решительно заявила я.

– Тогда я вам перезвоню через пятнадцать минут, – ответил он, и в трубке раздались короткие гудки.

Я тоже положила трубку и бросилась собираться в авральном темпе, одновременно вспоминая и анализируя произошедший только что разговор, который меня довольно сильно озадачил. Во-первых, по шумам в трубке я поняла, что мне звонили из уличного телефона-автомата. Во-вторых, несмотря на солидные рекомендации и заверения Холодова в том, что я умею хранить чужие тайны, Клиент отказался назвать свое имя. А в-третьих, я почувствовала его явное нежелание идти официальным путем, чтобы найти своего «потеряшку». Да-а-а, здесь было над чем поломать голову!

В армии я, естественно, не служила, но оделась и привела себя в порядок в рекордные сроки, собрав даже сумку, и застыла у телефона в ожидании звонка, который раздался точно через пятнадцать минут.

– Спускайтесь и возьмите в своем почтовом ящике конверт со всеми исходными данными, которые могут вам понадобиться. Там же вы найдете свой гонорар и деньги на расходы, потому что вам непременно придется сунуть где сотню, где две, чтобы получить нужную информацию, – сказал Клиент. – Я же перезвоню вам через десять минут, чтобы ответить на те вопросы, которые у вас возникнут.

Чтобы не дожидаться лифта, вниз я летела через две ступеньки и, запыхавшись, достала из почтового ящика большой стандартный конверт, который тут же открыла, и, вызвав лифт, посмотрела его содержимое. Вид пятисот долларов меня искренне порадовал, и я их только что не поцеловала, но быстро вернулась к делу. Кроме денег в конверте оказалась средних размеров цветная фотография мужчины лет сорока, довольно симпатичного блондина с правильными чертами лица и добрыми, но при этом очень грустными глазами. На отдельном листке

было напечатано: «Вадим Сергеевич Смирнов, 1967 года рождения. Рост приблизительно 180 сантиметров, телосложение среднее, никаких особых примет, шрамов, родимых пятен и так далее не имеет. Около 18.45 в пятницу 10 декабря вышел из дома и исчез. Был одет в длинную куртку темно-серого цвета с капюшоном, на ногах – черные сапоги с молнией с внутренней стороны. Темно-серые брюки и черная водолазка. Документов, золотых изделий, крупной суммы денег и сотового телефона при себе не имел, борсетки тоже».

– Да, негусто! – вздохнула я.

Поднявшись к себе, я дождалась звонка Клиента и спросила:

– Смирнов не может отсиживаться у родственников или друзей?

– У него нет ни тех, ни других, – ответил мужчина.

– Простите за вопрос, а любовницы? – уточнила я.

– Нет! – отрезал он и, уже раздражаясь, сказал: – Поймите! Для Вадима вся жизнь была в работе! Он ни за что и ни при каких обстоятельствах ее бы не прогулял! С ним что-то случилось, и вы обязаны выяснить, что именно! Если же вопреки моим ожиданиям окажется, что он действительно где-то загулял, то у него возникнут такие большие неприятности, каких вы даже представить себе не можете!

– Все поняла! – примирительно ответила я.

– Я позвоню вам без пятнадцати шесть, и вы сообщите мне о результатах поисков, – пообещал мужчина.

– Тогда лучше звоните мне на сотовый, потому что я могу быть в дороге, – предложила я.

– Хорошо! У меня есть ваш номер! – согласился он, потребовав: – Работайте! У вас мало времени! – и повесил трубку.

Время действительно поджимало, и я даже не стала завтракать – в городе что-нибудь перехвачу. Быстро одевшись, я налила двухлитровую бутылку воды и спустилась к своей машине. Достав из бардачка тряпку, я протерла номера, лобовое и заднее стекла и наружные зеркала заднего вида, что, честно признаться, улучшило мне видимость ненамного и ненадолго – грязь на улице царил жуткая. Первым делом я поехала и поменяла деньги, а потом заправила машину под завязку и отправилась к Кире, то есть к Владимиру Сергеевичу Кирьянову, подполковнику милиции и моему давнему и самому лучшему другу.

– Володя! Мне нужна твоя помощь! – с порога заявила я.

– А ты, Татьяна, вспомни, когда ты ко мне в последний раз без дела заходила, просто посидеть, поболтать, кофейку испить? – ехидно поинтересовался он.

– При твоей занятости, Киря, ты бы меня с этими разговорами за жизнь наладил отсюда быстро, далеко и надолго, – парировала я.

– Тоже верно, – согласился Володя. – Бурлит криминальный мир! Ну никак ему спокойно не живется! – вздохнул он и спросил: – А ты, никак, клиента подцепила?

– Точно! – подтвердила я. – И до того загадочного, что даже имя не назвал!

– Ой не нравится мне это! – покачал головой Киря. – Как бы ты, подруга, не вляпалась с этим делом!

– Брось, Володя! – отмахнулась я. – Какой-то, судя по описанию, средней руки клерк не вышел на работу, вот и все! Покинул родимые пенаты вечером в пятницу и пропал, а начальство забеспокоилось.

– Но назваться-то могло! – возразил мне Володя.

– А может, это такое известное в Тарасове имя, что оно решило не рисковать своей репутацией, – в свою очередь возразила я.

– Можно подумать, до сих пор у тебя в клиентах исключительно дворники с бомжами и алкашами были, – хмыкнул Кирьянов.

– Знаешь, мне это тоже не совсем понравилось, хотя он сослался на одного действительно довольно высокопоставленного чиновника, – призналась я. – Только на безрыбье, как известно... Тем более что клиент всегда прав!

– Ну смотри! Тебе жить! – пожал плечами Володя и спросил: – А чего тебе от моей грешной души надо?

– Сводку происшествий за эти дни, что же еще? – удивилась я. – Может, его ваши прихватили за что-нибудь, и он до сих пор в КПЗ задержался. Или отморозки спьяну ножичком пырнули, и он в больнице. Вариантов много.

– Ну садись и смотри, – предложил Кирьянов, протягивая мне распечатку, и попросил: – Покажи, что у тебя есть на «потеряшку», может, знаю его.

Отдав Володе фотографию и пояснение к ней, я принялась изучать сводку, но фамилия Смирнов в ней не упоминалась, а вот неопознанные трупы и доставленные в больницы в бессознательном состоянии потерпевшие – документов-то у Смирнова с собой не было – имелись. Выписав все, что могло представлять интерес для дела, я вернула Кире бумаги, а он мне фото и листок, добавив при этом:

– Действительно, судя по физиономии и простецкой одежде, это и есть клерк средней руки. Даже странно, что из-за него столько беспокойства.

– Вот найду его и спрошу, чем же он так своей фирме ценен, – пообещала я и попросила: – Володя! Звякни в морг! Хочу посмотреть, не там ли Смирнов нашел себе предпоследнее пристанище.

– Циник ты, Танька! – усмехнулся Кирьянов и взял трубку, но тут же задумался: – Интересно, а как звучит циник в женском роде? Циничка? Цинка? Или еще что-нибудь в этом роде?

– Брось свои лингвистические изыскания и звони! – отмахнулась я. – Делать нам с тобой сейчас больше нечего, как только филологией заниматься!

Володя созвонился с моргом, и я направились туда. При виде покойников я давно уже не визжу и в обморок не падаю – сказала прокурорская практика, но вот специфический запах, который ни с каким другим не перепутаешь, я спокойно воспринимать так и не научилась. Так что я даже порадовалась, что не успела съесть завтрак, а то попросился бы он обратно.

Клиентов в этом не самом приятном на свете заведении оказалось многовато. А чему удивляться? Кризис – он и в Тарасове кризис! Сократили мужика с работы, вот он и не нашел себе лучшего применения, как на большую дорогу пойти и прохожих чистить! А для шибко сопротивляющихся ножичек или молоток припас, а то и топор! Да! Не завидую я Кирьянову! Сейчас такое творится, что ему впору на работу переселяться! А в свете неукротимо и неуклонно приближающегося Нового года с его длиннющими праздниками, когда грех не выпить, да вот не на что, милицию придется не иначе как на казарменное положение переводить! Ну да это не моя забота!

Сунув тетке в грязном халате пару сотен (рублей, конечно), чтобы пошустрее поворачивалась, я взяла журнал регистрации и, быстро просмотрев его, попросила показать мне тех покойников, которые хоть немного подходили по возрасту к Смирнову. К счастью для него, его там не оказалось.

Выйдя на улицу и отдышавшись, я отправилась по больницам, причем решила ехать не только в те, откуда в милицию поступали сведения о пострадавших, а во все. А как же! Человек ведь мог получить и вполне мирное, хоть и тяжелое увечье. То есть шел он себе, шел, поскользнулся, упал и получил черепно-мозговую травму или еще что-то в этом духе. Вот и валяется без сознания с ног до головы загипсованный и даже «агу» сказать не может, а уж назвать себя – тем более. Кроме того, в Тарасове, как, наверное, и во всей России, каждый день дежурила какая-то определенная больница, куда доставляли людей по «Скорой». Но ведь не исключен вариант, что какая-нибудь сердобольная душа могла просто из человеколюбия

подобрать страдальца и отвезти его в больницу на своей машине. Слабоват, конечно, вариант, но чем черт не шутит!

Купив по дороге пару слоеных пирожков с капустой – с другой начинкой я решила не экспериментировать, а то мало ли что туда могли насовать, – я отправилась в путешествие по ближайшим к центру клиникам. Я приходила в приемное отделение и с ходу наглядно предъявляла удостоверение частного детектива, а ненаглядно деньги. Сбоев не случилось, и мне давали вожделенный доступ к документации. Выяснив там все, что мне надо, я поднималась в палаты, посмотреть на пациентов. Некоторые из них уже успели прийти в сознание и назвать себя, что значительно облегчало мне поиски, а остальных я просто сравнивала с фотографией. Количество больниц неуклонно уменьшалось прямо пропорционально количеству выданных мне на расходы денег, а результата все не было. Объездив все больницы Тарасова, я отправилась в Покровск, чтобы поискать еще и там – а вдруг Смирнову взбрело в голову через Волгу по мосту проехать, чтобы развеяться, и именно там с ним что-то случилось? Но и там мне ничего не удалось выяснить. Возвращалась я в Тарасов не в самом радужном настроении, усиленно размышляя, что еще можно предпринять в такой сложной ситуации. Время до часа «X», то есть до 17.45 у меня еще оставалось, вот я и соображала, где еще имеет смысл поискать. Тут зазвонил мой сотовый, причем номер не определился, а вот голос оказался знакомым – это был мой «господин Клиент»!

– Вы ведь обещали позвонить попозже, но я уже сейчас могу вам кое-что... – начала было я, но он перебил меня.

– Татьяна Александровна! Вас не затруднит отчитаться лично, а не по телефону, – предложил он, да вот только прежней вальяжности в его голосе уже не было и в помине.

– Конечно! – спокойно ответила я, страшно удивившись такой внезапной метаморфозе: то он конспирацию блюдет изо всех сил, а тут вдруг возжелал лично встретиться.

– Тогда подъезжайте на Мичурина, дом двадцать. Вы знаете, где это?

Естественно, я знала эту короткую тихую улочку в самом центре города. Дома там стояли двухэтажные, кирпичные, построенные еще задолго до царя, то есть основательно и очень добротно. До революции эта улица называлась Екатерининской в честь императрицы Екатерины Второй, пригласившей немцев поселиться в Поволжье, и была заселена в основном немцами – купцами и промышленниками. По неизвестной мне прихоти тарасовских градостроителей она, то есть улица, а не Екатерина Великая, избежала участи остальных центральных улиц и переулков, где все было снесено до основания и, как грибы, выросли элитные многоэтажки. Здесь же коренное население аккуратно расселили, а бывшие жилые дома превратили в конторы, фирмы, банки, из-за чего улицу Мичурина частенько называли местной Уолл-стрит.

– Если не помешают пробки, то буду у вас где-то через полчаса, – пообещала я.

– О вашем появлении предупреждены и вас проводят. Ждем, – ответил мужчина, чем заставил меня призадуматься: а кто это еще так жаждет со мной пообщаться?

Я действительно сумела уложиться в полчаса и остановилась около симпатичного и тщательно отреставрированного двухэтажного купеческого особняка под номером двадцать с освещенными, но тщательно закрытыми жалюзи окнами. С одной стороны от него из-за высокой ограды виднелись голые ветки деревьев, а вот с другой к нему вплотную примыкал другой особняк.

– «Общество с ограниченной ответственностью «Янтарь». Финансовые консультации», – прочитала я на двери нужного мне дома. – Вот так! Безлико, обтекаемо и ничего конкретного! – и нажала кнопку звонка.

Дверь мгновенно открылась, и передо мной предстал крепкий охранник в хорошем костюме и светлой рубашке с галстуком, но без обязательного в таких случаях бейджа с именем на лацкане. Он посмотрел на меня спокойным и равнодушным взглядом профессионала, причем самого высокого класса, и спросил ровным голосом хорошо отлаженного механизма:

– Чем я могу вам помочь?

– Меня зовут Татьяна Александровна Иванова. Я частный детектив. Меня здесь ждут, – исчерпывающе отметила я.

– Предъявите, пожалуйста, документы, – тем же тоном попросил он.

Я протянула ему удостоверение и паспорт, которые он изучил самым внимательным образом и только после этого пригласил меня войти. Но сначала я оказалась не в холле или вестибюле, а в коротком коридоре между двумя дверями, причем внутренняя была заперта, и ему пришлось еще повозиться, чтобы ее открыть. Попав наконец в холл, я, желая немного позлить его, спросила:

– Что же вы об оружии ничего не спросили? А вдруг я с пистолетом?

С таким же успехом я могла бы общаться со сфинксом. Тут ко мне подошел второй охранник, который ничем не отличался от первого, как будто их на одной фабрике под штамповку делали, и точно таким же ровным голосом пригласил меня пройти на второй этаж. По дороге я посматривала по сторонам и не могла не отметить, что интерьер был выдержан в строгом классическом стиле и свидетельствовал о высшей степени респектабельности и хорошем тоне. За закрытыми дверями слышались голоса, шум оргтехники, но никто из любопытства не выглядывал, стремясь узнать, что происходит, и мы не встретили ни души. На втором этаже охранник подвел меня к двери и, заглянув в комнату, кратко сообщил:

– Иванова.

Наверное, ему просто кивнули, потому что он распахнул дверь и пригласил:

– Проходите.

Войдя, я остановилась у дверей, чтобы осмотреться, и увидела под низко висящей лампой небольшой прямоугольный стол. За ним сидели трое мужчин в строгих костюмах, белоснежных рубашках, при галстуках и производили на вид самое благоприятное впечатление, которое порой бывает ох как обманчиво. В торце сидел пожилой худощавый мужчина среднего роста с бледным лицом и гладко зачесанными назад седыми волосами. Его узкие губы были поджаты, а глаза скрывали очки с дымчатыми стеклами. Я мысленно окрестила его Седым. Несмотря на невзрачную внешность, от него исходило ощущение такой колоссальной силы, причем совсем недоброй, такой холодной, рассудочной ярости, которая внешне ничем не проявлялась и потому казалась до того страшной, что у меня мороз пошел по коже и даже пальцы на ногах поджались. По одну сторону от него располагался крупный, толстый, практически лысый мужчина с потным багровым лицом, которое он постоянно вытирал большим носовым платком, уже превратившимся в бесформенный лоскуток. По другую же – сидел очень симпатичный, ухоженный до невозможности, смуглый мужчина лет под пятьдесят. Его волосы цвета «перец с солью» были коротко подстрижены, на носу красовались модные очки с опять-таки дымчатыми стеклами, а весь его вид выражал неизменную готовность немедленно сорваться с места и броситься выполнять приказы начальства. Не люблю я таких! Типа «чего изволите?». Не уважаю! И я решила, что буду звать его Красавчиком.

Поздоровавшись, но, не дожидаясь приглашения, я прошла и села за стол напротив седого мужчины, решив, что, судя по его главенствующему положению за столом, он и есть мой клиент.

– Я могу отчитываться? – спросила я.

– Да! – кивнул мне Седой, но голос его был мне незнаком.

– Простите, но... – недоуменно сказала я, но он перебил меня, обратившись к Толстяку тоном не только уверенного в себе человека, но и человека, который привык отдавать приказы, которые к тому же мгновенно и безропотно выполняются:

– Вы ведь не возражаете, Иван Степанович?

– Нет-нет! – торопливо заверил его Толстяк, и я узнала голос звонившего мне человека, только сейчас он больше походил на испуганное блеяние.

– Итак, я слушаю вас, Татьяна Александровна, – повернулся ко мне Седой и предложил: – Начните, пожалуйста, с самого начала. С того самого момента, как Иван Степанович позвонил вам в первый раз.

Я послушно рассказала все с самого начала и отчиталась о проделанной работе. Меня слушали в гробовом молчании, а, когда я закончила, Седой жестко сказал, обращаясь больше к Толстяку, чем ко мне:

– Иван Степанович обманул вас. У Вадима Сергеевича не возникнет никаких неприятностей. У него по определению не может быть никаких неприятностей, а вот у Ивана Степановича будут, – твердо закончил он и спросил у меня: – Значит, среди мертвых и больных Смирнова нет?

– Я объехала все больницы и осмотрела всех без исключения, кто как-то пострадал за эти дни. Также я посетила не только городской морг, но и морги больниц и могу уверенно сказать, что Смирнова там нет. Не была только в психиатрической больнице, но, если предположить, что в результате какого-либо ранения или травмы Смирнов потерял память, то его все равно сначала отвезли бы в обычную больницу, а уже потом в психиатрическую, – заявила я.

– Ну что ж, вы проделали большую работу и довольно оперативно, – одобрил Седой и, помолчав, продолжил: – Я навел о вас справки, Татьяна Александровна, и мне доложили, что у вас светлая голова и есть некоторые аналитические способности.

– Благодарю вас, – сказала я, сделав паузу, которая должна была дать ему понять, что не мешало бы и представиться.

Он понял меня и спокойно ответил:

– Зовите меня Куратор, меня все так зовут.

– Благодарю вас за добрые слова, господин Куратор, – повторила я, удивляясь царившей среди этих людей конспирации и недоумевая, куда же это я попала.

– Мне также доложили, что вы всю жизнь прожили в Тарасове, неплохо проявили себя, работая в прокуратуре, и еще лучше – на вольных хлебах частного детектива. Вы знаете порядки, царящие в вашем городе, обросли агентурой, без которой невозможна ваша работа, вот и поделитесь с нами своими соображениями, куда мог деться Смирнов, – сказал Седой.

Формально это являлось просьбой, но вот только никаких просительных интонаций в его голосе даже не промелькнуло, это было неприкрытое требование, что мгновенно вывело меня из себя, хотя я все же постаралась держаться в рамках.

– Господин Куратор, – подумав, начала я. – Вариантов столько, что только одно их перечисление займет уйму времени. А я не ясновидящая и не располагаю никакой исходной информацией, и это начисто исключает возможность строить какие-либо предположения. Я не знаю, из какого дома вышел Смирнов и даже в каком районе этот дом находится, потому что в каждом районе города свои заморочки: в Пролетарском – одни, в Ленинском – другие, в Центральном – третьи и так далее. Я не знаю, зачем он вышел из дома. Может, он с собакой гулял, отправился купить сигареты или выкинуть мусорное ведро. Мне сказали, что у него нет ни друзей, ни родственников, но так, простите, не бывает. Обязательно кто-то есть! Он вполне мог зайти к друзьям в гараж, чтобы выпить и поговорить за жизнь. Я не знаю, каков его характер и на что он способен. Вдруг он авантюрист или борец за справедливость, который, не раздумывая, бросится защищать женщину от хулиганов и сам же от них пострадает. А может быть, его исчезновение связано с работой, с семейной или личной жизнью, я имею в виду все тех же друзей. А что? Пятница, конец недели. Зашел Смирнов выпить к кому-нибудь из них, поссорился и получил сковородкой по голове. Друзки, опомнившись, вывезли его в лес под Тарасовом, и по весне милиция получит очередной «подснежник». Извините, но данная ситуация очень сильно напоминает мне одну историю, когда родители попросили меня найти их сына, который ушел из дома, но при этом постеснялись сообщить мне, что он наркоман. В результате я провозилась почти неделю, хотя, знай я раньше о его пагубных пристрастиях, уложила бы в два-три

дня. Так что я поостерегусь что-либо предполагать. Точно могу сказать одно: его не похитили для того, чтобы продать в рабство куда-нибудь на Кавказ, потому что местная милиция совсем недавно провела широкомасштабную операцию и накрыла всю сеть работорговцев, а для того, чтобы создать новую, потребуется довольно много времени. Хотя, при желании это довольно легко проверить, если иметь соответствующие связи.

– В милиции? – впервые подал голос Красавчик.

– Нет, у тех, кто находится по другую сторону баррикад, – обтекаемо заметила я.

– И вы такими связями располагаете? – уже с интересом спросил он.

– Это моя работа, – так же обтекаемо ответила я, но с некоторым вызовом.

– Не дерзите, Татьяна Александровна. Не по чину вам это, – равнодушно заметил Седой, но от его тона я мгновенно покрылась мурашками.

Несколько минут в комнате стояла мертвая тишина, причем не я одна не решалась ее нарушить. Наконец Седой сказал:

– Характера, упорства, работоспособности и наглости вам не занимать, полагаю, что вы нам подходите. – И спросил: – Если вы будете располагать всей исходной информацией, вы сможете оперативно... Подчеркиваю! Очень оперативно выяснить судьбу Смирнова? Учтите, он нужен нам живой! Слепой, глухой, немой, безрукий, безногий, но живой! Мы его от всего вылечим! Все, что нужно, пересадим! Любые лекарства достанем и любых врачей привезем, хоть с Марса! – В его голосе впервые прозвучало хоть что-то человеческое. – Но вы должны его найти! Любая помощь на любом уровне! В деньгах вы не стеснены! А оплата будет царской!

Хотя я и обалдела от этого монолога, но в голове все-таки проскользнула мыслишка: «Уж не шубу ли с царского плеча он имеет в виду?» – но вслух я, естественно, ничего не сказала.

– Хорошо! Я возьмусь за это расследование, – согласилась я.

– Тогда я скажу вам главное, а вот все остальное сообщат вам Михаил Иванович, – он подбородком показал на Красавчика, – и Иван Степанович, который, между прочим, тесть Вадима, – гневно произнес Седой. – И, если только эта история закончится благополучно, то бывший тесть, – подчеркнул он, – со всеми вытекающими из этого обстоятельствами.

У Толстяка задрожали щеки, а уж руки просто ходуном ходили, и он быстро убрал их под стол, где, наверное, еще и между коленей зажал, чтобы унять дрожь. Глаз же он ни на кого из присутствующих так ни разу и не поднял с того самого момента, как я вошла в комнату, и оставалось только догадываться, какого они у него цвета.

– Но я должен вас предупредить, Татьяна Александровна, что информация, которой я с вами поделюсь, является строго конфиденциальной и в Тарасове ею владеют только Михаил Иванович и Иван Степанович. Даже в Москве в курсе дел всего несколько человек. Поэтому учтите, малейшая утечка сведений станет для вас смертным приговором. Вас не спасет даже вполне заслуженный вами черный пояс по карате, вы просто исчезнете, и никто и никогда не найдет ваших следов. Вы согласны на это?

С трудом сглотнув, я все-таки кивнула – чего-чего, а такого поворота событий я никак не ожидала!

– Тогда слушайте! Вы разбираетесь в экономике? – спросил он.

– Весьма приблизительно, – откашлявшись, призналась я. – Не мой профиль.

– Ну хотя бы о том, что творится в России и мире? – настаивал он.

– Кризис, – пожала плечами я.

– Так вот для того, чтобы Россия никогда больше не смогла пострадать от какого-либо кризиса, Вадим и работает. Он создает новую систему управления экономикой страны, которая обеспечит ее независимость. Вам ясно?

– Разве такое возможно? – удивилась я.

– Да! Это совершенно новый, революционный подход к решению вопроса, – уверенно ответил Седой.

«Вот только революций нам и не хватало», – подумала я и спросила:

– Я могу задавать вопросы, господин Куратор?

– По теме – да! – кивнул он.

– Почему в Тарасове, а не в Москве? – поинтересовалась я.

– Хороший вопрос, – согласился он. – Потому что Москва – это большая деревня, где обеспечить секретность намного сложнее, чем в провинции. Уж если чиновники государственных учреждений... Эти пожелавшие остаться неназванными источники, – с ненавистью произнес он, – выдают журналистам сверхсекретную информацию и их не удерживают ни присяга, ни подписка о неразглашении, то... – он криво усмехнулся. – Но был и еще один аспект – мать Вадима. Он ни в коем случае не хотел с ней расставаться – там своя история. Она была очень большим человеком, московский климат ей бы навредил, и, кроме того, здесь у нее оставались подруги, знакомые, а там она была бы совершенно одна.

– Минутку, но, как я понимаю, матери уже нет в живых, но ведь квартира-то осталась, так не там ли... – начала, но тут Красавчик покачал головой и сказал:

– Квартира завещана ухаживавшей за ней сиделке, которая ее продала и уехала. А других родственников у Вадима Сергеевича действительно нет, как и друзей из-за его постоянной, практически круглосуточной занятости.

– Ясно! – покивала я, хотя сильно в этом сомневалась – не может быть, чтобы никого, это нереально.

– Итак, была учреждена фирма, где Смирнову создали все мыслимые и немыслимые условия для работы, – продолжил Седой. – К нему ежедневно поступала самая свежая, в том числе и сверхсекретная, информация, добытая нашей разведкой, а уж он, анализируя ее, работал над своей программой. Работал очень плодотворно, и тут... – Он, не выдержав, шархнул кулаком по столу.

На комнату обрушилась такая тишина, что все, включая и меня, забыли даже дышать.

– Короче! – успокоившись, продолжил Куратор. – Последние две недели Смирнов не покидал свой кабинет. В пятницу он, как вы понимаете, бесконечно уставший, решил немного отдохнуть и поехал домой. И эта СП! – гневно выдохнул он, уставившись на Ивана Степановича, который втянул голову в плечи и даже как-то уменьшился в размерах. – Эта СП устроила ему скандал!

– Простите, но что такое СП? – осмелилась спросить я.

– Сука подзаборная! – рявкнул Седой и, злобно оскалившись, покачал головой. – Моя вина! – не сдержался он. – Моя! И я за нее отвечу! Шмаков! Посмотри мне в глаза, сволочь! – потребовал он, и Толстяк покорно поднял голову – глаза у него оказались светло-голубыми и маленькими. – Ты же, мразь, в ногах у меня валялся и просил пощадить твою дочь! Ты матерью клялся, что она будет вести себя тише воды ниже травы! А что из этого вышло? Ты понимаешь, чем эта история всем нам грозит?

– Я... Я не думал... Надеялся, что как-нибудь обойдется... – лепетал Толстяк.

– У тебя мозги жиром заплыли! Ты не способен думать! Тебе следовало делать только одно – обеспечивать Вадиму максимально комфортные условия работы! И деньги ты за это получал совсем не маленькие! А что вышло? Почему ты мне сразу же не сообщил, что Вадим пропал? Еще в пятницу? Чего ты дождался?

– Так я сам только сегодня утром об этом узнал, – оправдывался Толстяк. – Вадим собиравшись вечером в пятницу вызвать машину, чтобы вернуться в офис, но не сделал этого, и я решил, что он хочет провести выходные с семьей.

– А сегодня утром мне позвонил водитель и сообщил, что Вадим Сергеевич к машине не вышел, о чем я тут же сообщил Ивану Степановичу, – встрял Красавчик.

– Ну а я связался с Лорой, подумал, что он заболел, а она мне и сказала, что он еще в пятницу вечером ушел. Я подумал, что он вернется на работу, – промямлил Толстяк. – Раньше же он возвращался.

– Да! Тогда он у матери от этой шалавы спасался, но теперь-то куда он мог пойти? Это ты своими пороссячьими мозгами не сообразил? – бушевал Седой и, вскочив с места, принялся мерить шагами комнату. – Нет! Надо было еще тогда, в первый раз, приказать ее ликвидировать! Вадим стал бы добропорядочным вдовцом, а там мы бы ему нашли нормальную жену!

Сначала я не до конца поняла смысл этих слов, а потом не выдержала и робко спросила:

– Господин Куратор! А не проще ли было бы их развести?

– В тех кругах, где вращается Вадим, не принято разводиться, – отрезал он. – Он встречается с очень серьезными людьми, для которых дороги такие понятия, как семья, моральные устои, и все то, что происходит сейчас у современных олигархов, – презрительно выговорил он, – не пользуется популярностью и уважением.

– Вообще-то они в Швейцарию, Францию и прочие места табуны девок вывозят, – тихо заметила я.

– Татьяна Александровна, я же сказал «с серьезными людьми», а не с постоянными персонажами «желтой» прессы. Неужели вы не видите разницу? – укоризненно сказал Седой.

– Вижу, – сказала я, хотя не очень поняла, кто еще может быть более серьезными людьми, чем российские миллиардеры. – Скажите, а сам Смирнов из Тарасова куда-нибудь выезжал? – спросила я. – Может быть, у него где-то там есть друзья, к которым он и отправился?

– Когда возникала необходимость в личной встрече, за ним высылали самолет. Если же он ездил отдыхать, то только в сопровождении охраны, – буркнул он, возвращаясь на место. – Вот таким вот манером, Татьяна Александровна! Пришел мужик-добытчик домой, уставший, издерганный, вымотанный, а его там мордой об стол встретили! Вспылил он и ушел! А вот куда? Что с ним случилось и где его искать, это предстоит выяснить вам! Причем срочно! Вся королевская конница и вся королевская рать к вашим услугам! Но! – Он предупреждающе поднял вытянутый указательный палец. – Вы формулируете задания так, чтобы люди знали только свою часть проблемы и решали ее. К вам будет стекаться вся информация, а уже вы ее анализируете и обрабатываете.

– Я поняла, но мне и самой побегать придется – надежнее это как-то, – кивнула я и хмыкнула: – Гарантирую, что утечки информации не будет, мне еще пожить хочется! Могу я задать несколько вопросов по существу?

– Спрашивайте! – кивнул Седой.

– Тогда скажите, пожалуйста, нет ли какого-нибудь человека, который стремился бы занять место Смирнова? Например, он считал себя не менее одаренным экономистом, но несправедливо отодвинутым в сторону? – спросила я.

– Вадим даже не гений, он уникал! Второго такого нет и быть не может! Подобные феноменальные люди рождаются раз в столетие или еще реже. Заменить его некем! – вздохнул Седой. – Да и о его существовании знал, как я уже сказал, очень ограниченный круг лиц.

– Тогда у меня, наверное, последний вопрос: что он сказал, прежде чем уйти из дома? Может быть, из этого сможем что-то понять? – спросила я.

– Только одно слово: «Достали!» – и хлопнул дверью, – вместо Седого ответил мне Красавчик.

– Тогда, похоже, у него просто произошел нервный срыв, и он сейчас где-то отсиживается, не исключено, что у совершенно посторонних людей. Сколько денег у него могло быть с собой? – Я повернулась к Красавчику.

– Немного! Тысяч десять-двенадцать, не больше, – ответил он.

«Ничего себе, – мысленно хмыкнула я. – Для них это безделица, а для большинства тарасовцев – зарплата за месяц».

– Ну, тогда его очень охотно приняли бы в компанию какие-нибудь алкаши или бомжи. А еще он мог снять проститутку и зависнуть у нее на все эти дни, – предположила я.

– Вы с ума сошли?! – заорал на меня Седой. – Вадим и какие-то бомжи с проститутками?!

– Господин Куратор! Когда человеку кажется, что у него рухнула жизнь, он еще и не на такие выверты способен, – возразила я.

– Простите, Татьяна Александровна, но многие последние годы Вадим Сергеевич видел эту самую жизнь исключительно из окна своего автомобиля, – заметил Красавчик. – Он и проститутку-то снять не сумеет. Он вообще не имеет представления, что творится в городе, что сколько стоит и так далее.

– Тем больше оснований за него опасаться, – задумчиво сказала я.

– Я вижу, что у вас уже есть какие-то соображения, – внимательно глядя на меня, заметил Седой.

– Да, на первом этапе я хочу кое с кем встретиться, чтобы отместить версию о том, что Смирнов мог стать жертвой какого-то преступления, – сказала я.

– С кем именно? – с интересом спросил Седой.

– С бывшим смотрящим по Тарасовской области, вором в законе Николаем Петровичем Сомовым. Он уже отошел от дел, но авторитет у него громадный, и, если он захочет, то сможет очень оперативно все выяснить, – ответила я.

– А если не захочет? – поинтересовался Седой.

– Тогда я нарисую ему печальную перспективу того, что милиция проведет общегородскую облаву с привлечением ОМОНа и прочих силовых структур, – объяснила я. – Думаю, что его это не обрадует. Хотя нечто подобное все равно придется провести, может, и не такими силами, – нужно же обследовать все подвалы, чердаки и прочие места скопления асоциального элемента, но с этим и участковые справятся, если их хорошенько взбодрить.

– Хорошо, что напомнили, – сказал Седой и велел Красавчику: – Соедини меня с начальником областного управления милиции!

Тот мухой бросился к стоявшему в глубине комнаты письменному столу, схватил трубку радиотелефона и, на бегу набрав номер, протянул ее Седому. «Лизоблюд чертов!» – неприязненно подумала я.

– Как зовут начальника? – спросил у меня Куратор.

– Генерал-майор Руслан Петрович Твердохлебов, – быстро ответила я.

Седой кивнул и сказал в трубку:

– Твердохлебов! Тебе должны были звонить из Москвы!... Я рад, что ты полностью к нашим услугам, но иначе ведь и быть не может, – сухо заметил он. – Вплоть до моего особого распоряжения поступаешь в полное подчинение к частному детективу Татьяне Александровне Ивановой... Ах даже знаешь! – усмехнулся он. – Она обрисует тебе задачу, а уж ты постарайся выполнить ее так, чтобы у нас не было к тебе претензий.

– Пусть уже сейчас начинает подготовку к проведению завтра общегородской облавы с привлечением максимума сил, – шепнула я.

Седой кивнул и повторил это в трубку, добавив:

– Время проведения она тебе укажет сама, – и вернул трубку Красавчику, который положил ее на стол.

– Что вам это даст? – поинтересовался у меня Седой.

– Это будет очень весомым аргументом в разговоре с Сомовым. У преступников, как это ни печально, обязательно есть осведомители в милиции, так что они смогут легко проверить мои слова, – пояснила я.

– И что же, вы полагаете, криминал предпримет, чтобы избежать облавы? – спросил Седой.

– Да они за эту ночь сами город наизнанку вывернут, лучше любой милиции каждый уголок обшарят, – усмехнулась я.

– А если это ничего не даст? Что тогда? – спросил он.

– Тогда станет ясно, что Смирнов сбежал, как ни неприятно это вам слышать, – вздохнула я. – И придется выяснять, где он скрывается, раз семейная жизнь и работа так дружно его достали.

– Но ему не к кому идти! – уверенно заявил Красавчик.

– Это вам только кажется, – усмехнулась я. – Такого в природе просто не случается, уж вы мне поверьте. Всегда кто-то есть, и его нужно только вычислить.

– Ну что ж! Желаю успеха нам всем! – сказал, поднимаясь, Седой. – Да! И еще! – он подошел к столу и что-то написал на вырванном из календаря листке. – Вот! – вернувшись, он протянул его мне. – Это мой телефон! Если вам покажется... Просто даже покажется, что эти двое, – он кивнул на Красавчика и Толстяка, – или Твердохлебов не оказывают вам необходимой помощи или скрывают какую-нибудь информацию, немедленно, без малейшего колебания звоните мне, и я приму меры. Я сейчас слетаю в Москву с докладом и немедленно вернусь, чтобы выслушать ваш отчет. Деньги на расходы вам сейчас выдаст Михаил Иванович.

Он пошел к двери, а Толстяк поспешил за ним, но тут Седой, явно что-то вспомнив, резко остановился и повернулся ко мне:

– Кстати! Если потребуются провести войсковую операцию, то мы и ее проведем! Голова Вадима даже не на вес золота, а на вес бриллиантов! Мы должны его найти во что бы то ни стало!

Седой вышел из комнаты, и мы остались вдвоем с Красавчиком.

– Михаил Иванович Васильев, начальник службы безопасности этой фирмы, – представился он и предупредительно спросил: – С чего бы вы хотели начать?

«Ну вот, он уже и передо мной заискивает!» – мысленно хмыкнула я, а вслух сказала:

– С чашки самого крепкого кофе, какой только найдется в этом здании. – Я надеялась, что в такой солидной организации он должен быть неплохим. – И еще: размножьте фотографию Смирнова, экземпляров тридцать. Я сейчас поеду к Сомову для весьма тяжелого разговора, оттуда к Твердохлебову, а потом вернусь сюда, и нам с вами придется крепенько поработать головой.

Он выглянул из комнаты и, наверное, отдал распоряжение приведшему меня охраннику, потому что тут же вернулся и с готовностью спросил:

– Что еще?

– Приготовьте мне личное дело Смирнова и привезите сюда всех сотрудников фирмы, с которыми он общался в последнее время, – добавила я.

– В этом нет необходимости, – покачал головой Красавчик. – Они все здесь и не покинут здание до тех пор, пока вы с ними не побеседуете.

– Совсем хорошо, а пока мы ждем кофе, скажите мне вот что. Смирнову ведь обязательно полагалась охрана, так куда же она смотрела? – спросила я.

– Видите ли, Вадим Сергеевич считал, что наличие охраны больше привлекает внимание, чем обеспечивает безопасность. Как вы уже поняли, Смирнов очень спокойно относился к своему внешнему виду, не стремился чем-то выделиться, и наличие телохранителей у такого просто одетого человека непременно вызвало бы нездоровое любопытство. Тем более что от пули снайпера ни количество, ни качество телохранителей не уберезет.

– В общем-то, справедливо, – заметила я.

Тут охранник внес пачку отпечатанных фотографий Смирнова с комментарием к ним и поднос с кофе и бутербродами, чему я очень обрадовалась, потому что проголодалась страшно – те несколько пирожков, которые я умудрилась слопать в течение дня, уже не напоминали о себе даже изжогой. Взяв бутерброд, я впилась в него зубами, а Красавчик продолжил:

– Последние три года, после того, как уволился его постоянный водитель, господина Смирнова обслуживали дежурные шоферы. Их здесь несколько, и все они неоднократно проверены в деле, прошли специальную подготовку и способны очень действенно противостоять любым угрозам, способным возникнуть в обыденной жизни, что не раз подтверждали на практике и всегда с отличным результатом. У них есть оружие и разрешение применять его при необходимости. Смирнов ездил на обычной «Волге», по внешнему виду которой невозможно предположить, что от отечественной машины в ней остался только кузов, к тому же бронированный и с пуленепробиваемыми стеклами. Кроме того, в связи с некоторыми особенностями семейной жизни Вадим Сергеевич большую часть времени проводил на работе и домой ездил очень редко, так что охранять его оказалось делом несложным, – объяснил он.

Говоря все это, он тем временем подошел к столу и достал из него конверт, который и положил передо мной.

– Здесь сто тысяч рублей, – сообщил он. – Мы подумали, что сейчас они пригодятся вам больше, чем валюта, да и времени на обмен терять не придется.

– Вообще-то правильно, – согласилась я и добавила: – Мне надо поговорить с тем водителем, который отвозил Смирнова домой.

– Конечно, он ждет и будет ждать столько, сколько надо, тем более что сегодня именно он приехал к дому Вадима Сергеевича и, когда тот не вышел к машине, поднял тревогу, – сообщил Красавчик.

Залпом выпив крепчайший кофе, я немного взбодрилась и встала.

– Ну, тогда я поехала, – сказала я, опуская деньги и фотографии в сумку, и с сожалением посмотрела на оставшиеся бутерброды – и есть хотелось, и время поджимало, а потом, махнув рукой на приличия, покопалась в сумке, нашла полиэтиленовый пакет и положила туда бутерброды, объяснив: – Я сегодня не то что пообедать, а даже позавтракать не успела.

– Понимаю, – сочувственно покивал он и пообещал: – Когда вы вернетесь, вас будет ждать полноценный обед. Давайте я вас провожу, – галантно предложил он, и я не стала возражать.

Когда мы спустились на первый этаж, я не выдержала и спросила:

– Скажите, а почему меня не проверили на наличие оружия?

– Вход оборудован спецтехникой, и нет необходимости кого-то обыскивать, – просто объяснил он.

«Могла бы и сама догадаться! – недовольно подумала я по дороге. – Ясно же, что с улицы сюда никого просто так не впустят, чего же было с глупыми вопросами лезть и выставять себя полной дурой? И это после всего того, как мне такое ответственное дело поручили. Наверное, это у меня от голода», – догадалась я.

В машине я достала бутерброд и принялась жевать, одновременно двигаясь в сторону загородного дома Сомова. Номер его телефона у меня имелся, но я решила, что личный визит лучше, так как к телефону он может и не подойти, а вот когда человек приезжает специально, чтобы встретиться с ним, – это дело совершенно другое. Откровенно говоря, я мало надеялась на успех, но недаром же Куратор отметил во мне изрядную толику наглости, а это, как известно, второе счастье. С этим весьма и весьма неоднозначным человеком судьба свела меня, когда я расследовала нападение на родственниц его сына, естественно, внебрачного. Кстати, с Твердохлебовым я тогда же познакомилась. Дело было до того мерзким, что и вспоминать о нем не хотелось, да вот пришлось. Но поскольку я его тогда благополучно распутала и этим обеспечила сыну Сомова счастливую семейную жизнь, а ему самому – долгожданного внука, а, может, уже и внуков, то вполне могла рассчитывать на его помощь. По крайней мере на то, что он меня выслушает. Правда, расплатился он тогда со мной по-царски и вполне может считать, что ничего мне не должен, но мне есть чем заинтересовать его. Остановившись возле ворот – а адрес еще со времен той истории знала, хотя и не бывала здесь, – я вышла из машины и нажала на кнопку переговорного устройства.

– Кто это, на ночь глядя? – раздался недовольный мужской голос, но не Сомова.

– Мне к Николаю Петровичу по срочному и важному делу, – сказала я.

– Это кому же так приспичило? – хмыкнул мужчина.

– Я частный детектив Иванова. Николай Петрович должен меня помнить, потому что я... – начала я, но меня перебили.

– Да и я тебя помню, – сказал мужчина и пообещал: – Сейчас спрошу.

Через некоторое время раздался характерный звук заработавшего домофона, я потянула за ручку двери и вошла во двор. На освещенной веранде стоял мужчина, держа за ошейник здорового кавказца, причем оба смотрели на меня довольно враждебно.

– Давай, только быстро! – сказал мужчина, в котором я узнала того хмурого типа, который имел обыкновение сопровождать Сомова во время выездов в город. – Приболел Петрович!

– Да я буквально на пять минут, – пообещала я и соврала, потому что разговор у нас мог случиться гораздо более долгий, но это уж как карта ляжет.

Меня провели в большую комнату на первом этаже, где в кресле перед камином сидел кутавшийся в большой пушистый плед Сомов и попивал коньяк – ну что ж, каждый лечится как хочет.

– Чего стряслось у тебя? – не здороваясь, спросил он. – С добром в такой час не приходят.

– Как здоровье, Николай Петрович? Как внук? – начала издалека я, осторожно присаживаясь на краешек кресла, что стояло по другую сторону от столика, на котором и стояли бутылка с фужером.

– Уже внуки, два парня у Игоря, – подобревшим голосом ответил он. – Теперь дело за внучкой, уж очень снохе девочку хочется, да и жена моя туда же, словно ей двух сорванцов мало. Только ты мне зубы не заговаривай, выкладывай, зачем пришла!

– За помощью, Николай Петрович, – преданно глядя на него, ответила я. – Дело в том, что мне поручили одного пропавшего человека найти...

– Ну и ищи! – удивился он.

– Не все так просто, – вздохнула я. – По больницам и моргам его нет, вот и подумала я, что не приключилось ли с ним какой другой беды. Народ в Тарасове всегда лихой был, а уж теперь, от кризиса озверевший, и подавно. Только отморозки какие-нибудь, что гоп-стопом промышляют, или наркоманы не стали бы тело прятать, а вот люди посерьезнее...

– Ты чего это себе позволяешь? – взорвался Сомов. – Ты за кого меня держишь? За суку?

– Значит, не поможете, – вздохнула я и поднялась. – Ну да ничего, тогда милиция во время завтрашней облавы уж точно найдет. Ну, я пошла. Извините за беспокойство, Николай Петрович, – и я медленно пошла к двери.

– Какой облавы? – спросил мне вслед Сомов, на что я и рассчитывала.

– Так пропал-то родственник очень-очень важного человека из Москвы, вот областное управление сейчас и готовит на завтра общегородскую облаву с применением ОМОНа и прочими маски-шоу, – остановившись и обернувшись, объяснила я. – Денег мне в этом случае не видать, но хоть судьбу человека выяснят.

– А ты не шутишь ли со мной, девонька? – злым голосом спросил Сомов.

– Да вы что, Николай Петрович? – вплеснула руками я. – Мне еще жить не надоело!

– Тогда погоди! – велел он и взял со столика сотовый. – Это я, – набрав какой-то номер, сказал он. – Что вы там завтра замутить решили? – Он долго слушал, а потом повторил за своим собеседником: – Значит, отмашки от нее ждете, а потом только приступите. Ну, спасибо тебе, с меня причитается.

Я оказалась права – осведомители у криминала в милиции имелись, причем совсем не рядовые сотрудники! Это было мерзко и до дрожи противно, но это жизнь во всей своей неприглядности, и лично я ничего с этим поделать не могу.

Несколько минут Сомов рассматривал меня, словно только что увидел, а потом, покачив головой, сказал:

– Высоко ты взлетела, девонька!

– Так оттуда и падать больнее, – отозвалась я, возвращаясь в кресло. – Да и не сама я взлетела, дело случая, а на него надежда плохая. Как говорится: разом – мошка, разом – кошка.

– Бывает, – согласился он и предложил: – Если будешь коньяк, то фужер сама возьми, неможется мне.

– Спасибо, Николай Петрович, но я за рулем, да и работать мне всю ночь предстоит, – отказалась я.

– Дело твое, – бросил он и потребовал: – А ну давай мне все с самого начала!

Я отдала ему штук пять фотографий Вадима с пояснениями, кто это такой, и начала рассказывать кратко, но исчерпывающе, то есть никакой лишней информации не сообщила, но суть проблемы была ясна.

– Вот суки бабы! – не сдержался Сомов. – Натворят дел, а нам, мужикам, расхлебывать. Так ты что думаешь?

– Смирнов мужчина довольно молодой, высокий и крепкий, так не могли ли его прихватить, чтобы потом куда-нибудь на плантацию сбегать. Или лихая проститутка из неорганизованных на деньги позарилась – для них ведь и десять тысяч хороший куш. Да мало ли что могло приключиться, – пожалала плечами я.

– Насчет того, чтобы продать человека, так тех вчистую замели, – заметил Сомов.

– Ах, Николай Петрович! Да когда же свято место пустует, – вздохнула я.

– Тоже верно, – кивнул он и спросил: – Что при мужике было? Рыжье? Котлы? Труба навороченная? Борсетка?

– Да нет! – развела руками я. – Ничего такого.

– Ну и как мне его искать?! – рявкнул он, а потом, подумав, снова взял сотовый и позвонил своему доверенному человеку, с которым я как-то уже встречалась: – Банзай! Это я. Беда у нас! Собирай народ, а я скоро буду, – велел он и повернулся ко мне: – Ступай, девонька! И мусоров попридержи! Мы сами разберемся! Коль мужик тот живой, так таким и представим, а коль мертвый – так хоть тело укажем, где искать, – и начал подниматься из кресла, приговаривая: – Ох ты господи ты ж боже ж мой! И помереть ведь не дадут спокойно! – И снова напомнил: – До моего звонка ничего не предпринимай! А то наломают дров так, что потом и щепок не останется! Завтра вечером позвоню.

– Крайний срок завтра утром в девять часов, – развела руками я и в ответ на его бешеный взгляд пояснила: – Иначе не поймут меня.

– Хорошо! – сквозь зубы процедил он. – В девять!

– Я буду ждать ваш звонок! – твердо пообещала я и, положив на столик визитку, вышла из комнаты.

Уже по дороге в Тарасов, хотя я и не плелась, как черепаха, меня с ревом обогнали два черных джипа – это Сомов ехал решать с Банзаем мои проблемы.

В областном управлении царило совершенно неуместное в этот поздний час оживление: офицеры в звании от лейтенанта до полковника сновали по коридорам, как подскипидаренные, слышались громкие голоса с поминанием чьей-то матери, господа бога, черта и других нематериальных существ, но меня уже действительно ждали и без всяких формальностей провели к генералу. Секретарша неприязненным голосом сообщила по селектору, что к Руслану Петровичу пришла Иванова, и в ответ раздался совсем недружелюбный голос:

– Пусть войдет!

Я вошла и увидела, что на столе для заседаний разложена подробная карта Тарасова, а вокруг стола столпились обсуждавшие что-то офицеры, по большей части без кителей и с расстегнутыми воротниками рубашек, а галстуки были вообще сняты или болтались на зажимах.

– Ну вот и наш главнокомандующий прибыл! – пошутил Твердохлебов, но, как известно, в каждой шутке есть доля шутки.

Я прекрасно видела и понимала, что он изо всех сил старался не показать, как ему досадно то, что он, пусть и по воле самого высокого московского начальства, вынужден мне подчиняться, а поскольку мне в этом городе еще жить и работать, то передо мной встала сложная задача – превратить врага в друга и союзника.

– Руслан Петрович, – начала я самым скорбным голосом и со слезой во взоре. – Мне бы поговорить с вами без свидетелей!

Он удивленно на меня уставился, а потом кивнул в сторону комнаты отдыха и, когда мы вошли туда, буркнул:

– Ну что еще?

– Вы меня простите, Руслан Петрович! – покаянно сказала я. – Мало того, что я сама в эту историю влипла, так еще и вас сюда пристегнули, чего я никак не ожидала.

– Да что, вообще, происходит, а то я совершенно ничего не понимаю? – уже спокойнее поинтересовался он. – Мне позвонили из Москвы и сказали, чтобы я безоговорочно выполнял указания какого-то Куратора, а вместо этого мне в начальство попала ты.

– Я расскажу лишь то, на что имею право, – извиняющимся тоном начала я. – Дело в том, что в Тарасове живет родственник одного высокопоставленного лица.

– Насколько высокопоставленного? – быстро уточнил он.

– Очень! – исчерпывающе ответила я, пристально глядя ему в глаза. – Вот он! – и я протянула генералу несколько фотографий Вадима с пояснениями: – У него возникли большие неприятности на работе, а в пятницу вечером, когда он вернулся домой, жена устроила ему дикий скандал. Тот просто хлопнул дверью и ушел! Все! С тех пор его никто не видел! Хватились его только сегодня, когда он не вышел на работу. Вероятно, его руководство было в курсе того, кто он такой, потому что тут же обратилось ко мне, чтобы я выяснила, не случилось ли со Смирновым какой-нибудь беды. Я проверила морги и больницы, но его там не оказалось. А начальство, окончательно растерявшись, отзвонилось в Москву, откуда, как я понимаю, спецрейсом и прибыл этот самый Куратор.

– Почему ты решила, что спецрейсом? – спросил Твердохлебов.

– Потому что он, уходя, сказал, что ему срочно нужно обратно в Москву. Да вот только дневной рейс уже улетел, а до ночного было еще уйма времени, но не в аэропорту же он собирался это самое время проводить. К тому же он обещал немедленно вернуться, чтобы выслушать мой отчет, а на чем? Только спецрейс.

– погоди минутку! – сказал Руслан Петрович и набрал какой-то номер, а потом спросил кого-то: – Слушай, сегодня из столицы никаких спецрейсов не было? Был? И что? Чего?! – заорал он, а потом тихо сказал: – Ну, спасибо тебе, бывай!

– Чей же это был самолет? – не удержалась я.

– Ты была права, – тусклым голосом сказал он. – Министерства обороны.

– То-то мне в Кураторе военная выправка почудилась, да и командовал он совершенно профессионально. А кто вам из Москвы звонил? – спросила я.

– Наш замминистра, причем таким тоном, словно небо на землю падает, – тихо ответил он. – Видно, в Москве на все кнопки нажали, потому что мне даже Давыдов звонил и интересовался, как у меня дела и не нужна ли какая-нибудь помощь, что при наших отношениях довольно странно, – задумчиво глядя в окно, сказал Твердохлебов.

Давыдов был начальником областного управления ФСБ и, по слухам, отличался весьма крутым характером.

– Как спасаться начнем, Руслан Петрович? – спросила я.

– А что ты еще об этой истории знаешь? – в свою очередь спросил он.

– Больше ничего, – ответила я, честно глядя ему в глаза.

– Понимаю, – хмыкнул он. – Небось подписку о неразглашении взяли?

Я ничего на это не ответила, а он не стал настаивать и сказал:

– Значит, начнем танцевать от адреса, – решил он. – Очень непростого адреса.

– Откуда вы его знаете? – удивилась я.

Вместо ответа он, удивленно посмотрев на меня, протянул ту распечатку, которую я ему только что дала, и ткнул пальцем в нужное место.

– Вот! Пирогова, сорок три. Ты знаешь, что это за дом?

– Вот конспираторы чертовы! – не сдержалась я. – А мне ведь сразу его не назвали! – И ответила: – Сталинка это.

– Это не просто сталинка, – усмехнулся он. – Ее исключительно для высшего областного руководства строили. Значит, оттуда он и вышел. Значит, оттуда и мы начнем.

– Руслан Петрович, может случиться так, что необходимость в облаве отпадет, – осторожно заметила я.

– Как это? – удивился он.

– Да я у Сомова была, – как бы между прочим заметила я.

– Ты-то его откуда знаешь? – уставился он на меня.

– А помните нападение в театре на семью его сына? – спросила я.

– А-а-а! Вот откуда ноги растут! – покивал он.

– Не скажу, чтобы мы с ним нежно полюбили друг друга, но на определенную его помощь я рассчитывала и не ошиблась. Согласитесь, что он более эффективно поднимет город на дыбы. А вот если он ничего не найдет, то тогда можно и вам город потрясти. Кстати, вы город-то немедленно закройте, – посоветовала я. – Вокзалы, аэропорт, посты ГАИ, ну и все прочее.

– Зачем? – удивился он. – Если Смирнов вздумал сбежать, то его уже и след простыл.

– А затем, Руслан Петрович, что все, кто в розыске или крупные грехи на совести имеет, попытаются немедленно город покинуть – облаву-то еще никто не отменял, так вот они и постараются ноги унести, пока целы, – пояснила я и завершила: – Улов будет, можете даже не сомневаться.

– Разумно! – согласился он. – Вот ОМОНу с СОБРОм и всеми прочими дело и нашлось, а то чего им просто так в состоянии боевой готовности нервы жечь. Только что я людям скажу, если операцию отменим?

– Что это были внеплановые учения в целях проверки боеспособности управления, а также повышения боевой и всякой прочей подготовки в условиях, максимально приближенных к боевым, – предложила я. – Еще необходимо все больницы предупредить, чтобы о Смирнове или бесфамильных немедленно сообщали. Ну и работать по схеме: вокзалы, аэропорт, проводники, кассиры, таксисты, гостиницы, включая частные... Да и записи с камер наружного видеонаблюдения следует просмотреть – Смирнов же не дух святой, не мог в воздухе раствориться. И все в этом духе. Если он действительно сбежал, то мы сможем хотя бы направление установить.

– Сделаем, – кивнул он.

– А еще участковым поработать придется без дураков. Нужно ведь подвалы с чердаками и притоны обследовать, квартиры неблагополучные... Ну, вы все сами лучше меня знаете. А то бывает, когда у мужика крышу сносит, его на таки-и-ие подвиги может потянуть, что в страшном сне не приснится, он порой и сам не знает, на что в такой момент способен.

– Правильно говорят, все зло в мире от баб! – вздохнул генерал, но тут же поправился: – К тебе это не относится!

– Какая же я баба, Руслан Петрович? – рассмеялась я. – Я частный детектив, а в женском роде такого словосочетания не существует.

– Ладно! – усмехнулся он. – Иди, детектив! Как только что-то узнаешь, тут же звони, в любое время! Без твоей отмашки не начнем, – и он протянул мне визитку. – На сотовый звони, так лучше будет! И удачи тебе!

– Удачи всем нам! – отозвалась я, протягивая ему свою визитную карточку. – Вы мне тоже сообщите, если на след нападете.

Мы с ним вышли в его кабинет и первое, что я там увидела, был совершенно обалделый взгляд Кириянова, который стоял возле стола. Наверное, я его раньше не заметила, а, может, он только что прибыл. Я едва заметно кивнула ему и шагнула к двери, а у меня за спиной раздалось:

– Ну, продолжим, товарищи офицеры!

В офисе меня действительно ждал полноценный обед, накрытый в той же комнате, где я уже побывала. Когда я закончила, причем еда была необыкновенно вкусной, давно я такой не ела, появился Красавчик с пухлой папкой в руках, и я поняла, что это и есть личное дело Смирнова.

– Ну и ну! – покачала головой я, на что он только развел руками:

– Здесь все, что касается Вадима Сергеевича.

– А давайте я сначала с людьми поговорю, – предложила я. – Чего им здесь всю ночь торчать?

– Татьяна Александровна, поступайте так, как сочтете нужным, – предупредительно заметил Красавчик. – А вот это, – он достал из другой папки и протянул мне листок бумаги, – хронология пятницы, чтобы вам было легче сориентироваться.

Я взяла бумагу и вслух прочитала:

– Господин Смирнов лег спать в три часа... Ночи? – уточнила я, взглянув на него, и он кивнул. – Проснулся в десять. Завтракал... Ну, это неважно, что именно он съел... Работал до 14.40. Переделся и в 14.52 вышел из офиса. Так... Поехал в индийский ресторан «Тадж-Махал», адрес имеется, куда вошел в 15.04. Как вы думаете, почему именно туда?

– Вадим Сергеевич любил экзотическую кухню и побывал во всех таких ресторанах, которые есть в городе, – объяснил Красавчик.

– То есть это в порядке вещей? – спросила я, и он кивнул: – Угу! Пробыл он там до 18.30... Странно, что еще и ресторанное меню сюда не включили или то, что именно он заказывал, – связвила я.

– Почему же? – удивился Красавчик. – Вот, – он достал из папки и протянул мне другой листок. – Здесь перечислено все, что Вадим Сергеевич съел и выпил.

– Он спиртное пил? – вскинулась я.

– Да, – кивнул Михаил Иванович. – Виски, в общей сложности триста пятьдесят граммов.

– Ничего себе! – покачала головой я. – Расслабился человек! И именно из-за этого был скандал?

– Да! В пятницу в гости к Смирновым к 18.00 должны были прийти родители жениха дочери Вадима Сергеевича...

– То есть он мало того что опоздал, так еще и выпивший пришел, вот супруга и не удержалась, – поняла я.

– Видите ли, Татьяна Александровна, семейная жизнь Смирновых имеет некоторые особенности, – обтекаемо заметил он.

– Да я уж поняла, что благополучной ее не назовешь, – хмыкнула я и тут же насторожилась: – Значит, знакомство с будущими родственниками? А почему там тогда не было Ивана Степановича? Он же дед, ему там тоже следовало находиться?

– Видите ли, Татьяна Александровна, у жены господина Шмакова и Ларисы Ивановны очень напряженные отношения, – пояснил он.

– Ну хорошо! Она могла бы и не приходить, а он? – допытывалась я.

– Дело в том, что она пригласила на вечер пятницы гостей...

– Чтобы мужа к дочери не пустить? – догадалась я.

– Что-то в этом духе, – кивнул Красавчик. – Поэтому мы с Иваном Степановичем прямо отсюда и поехали к нему.

– А вы-то здесь при чем? – удивилась я.

– Я был приглашен, – спокойно пояснил он.

«Ну да, конечно! Ты же без мыла куда угодно влезешь!» – неприязненно подумала я и насмешливо спросила:

– И долго вы там гостевали?

– Прием закончился очень поздно, практически под утро, – ответил он, сделав вид, что не заметил моего крайне невежливого тона.

Поняв, что плетью обуха не перешибешь, я мельком глянула на него, вздохнула и продолжила:

– Так... Пошли дальше. Значит, господин Смирнов из ресторана поехал домой. Вошел в подъезд в 18.41 и, как я вижу, в 18.45 уже ушел.

– Именно так, – подтвердил Красавчик. – Консьержка сказала, что Вадим Сергеевич вошел спокойно, кивнул ей и направился к лестнице, но почти тут же сбежал вниз и выскочил на улицу. Там, как ясно из записи камеры наблюдения, он свернул за угол дома и... Все!

– Михаил Иванович, вы давно здесь работаете? – спросила я.

– Чуть больше трех лет, – ответил он.

– Достаточный срок, чтобы хорошо узнать своего подопечного, – заметила я. – Скажите, а за это время ничего подобного со Смирновым не случилось?

– Что вы имеете в виду? – уточнил он.

– Выпивка, – конкретизировала я.

Красавчик немного помолчал, а потом все-таки сказал:

– Да, было. У Вадима Сергеевича есть свой бар, так что он периодически выпивал, чтобы снять нервное напряжение – он очень много работал. А с тех пор как умерла его мать...

– Кстати, а когда это случилось? – уточнила я.

– Немногим более полугода назад – почки отказали, – объяснил он. – Так вот, после этого он стал выпивать чаще и снова начал курить, хотя, как я выяснил, давно бросил. Но! Даже тогда нервного срыва не произошло, если, конечно, предположить, что сейчас был именно нервный срыв.

– Ну это объяснимо, – отмахнулась я. – Раз она долго болела, то он был морально к этому готов.

– К такому, Татьяна Александровна, подготовиться нельзя, – вздохнул он. – Вадим Сергеевич боготворил свою мать, и ему пришлось очень тяжело. Очень! Она была единственным близким ему человеком.

– Ну хорошо! С этим ясно, а что вы еще успели выяснить? – спросила я.

– В связи с тем, что общероссийский паспорт Вадима Сергеевича на месте, а заграничного у него никогда не имелось, уехать или улететь он никуда не мог, – доложил он.

– Ой не скажите! Есть еще и электрички, а на них можно о-о-очень далеко забраться. Да и с проводником всегда можно договориться. Но этим сейчас милиция занимается, – задумчиво сказала я и спросила: – Скажите, а такие отчеты составляются каждый раз, когда Смирнов покидает офис?

– Каждый, – подтвердил он и кивнул на папку. – Видите ли, здесь, в офисе, Вадим Сергеевич работал и жил обособленно, и контактировал с очень ограниченным кругом людей, очень проверенных людей, – подчеркнул он.

– И они на него стучали, – усмехнулась я.

– Извините, Татьяна Александровна, но у нас с вами, видимо, разные представления о безопасности, – вежливо ответил Красавчик и даже бровью не повел.

– Ладно, – подвела черту я. – Давайте-ка я с людьми поговорю.

– Конечно, – с готовностью согласился он и тут же вышел из кабинета, а вернулся буквально через минуту с каким-то парнем. – Это водитель, который обслуживал Вадима Сергеевича в ту злополучную пятницу.

– Присаживайся! – сказала я, и шофер тут же опустился на стул. – Давай все в мельчайших подробностях. На точное время можешь не отвлекаться – меня интересует настроение Смирнова все, что он говорил, как себя вел... Одним словом, все!

Парень кивнул и начал:

– Михаил Иванович сказал, что Вадим Сергеевич собирается уезжать, и я подал машину к его подъезду.

– Что значит, к его подъезду? – тут же вскинулась я.

– Я это вам потом объясню, – сказал Красавчик и велел парню продолжать.

– Ну, он вышел, постоял немного, воздухом подышал, а потом сел в машину и сказал, чтобы я ехал в «Тадж-Махал». Ну я и поехал. Вошел в зал вместе с ним, осмотрелся, убедился, что там все спокойно... Да там и народу-то не было почти... Ну я и вышел, в машине его ждал. Потом он вышел, сел и буркнул, чтобы домой. Ну я его и отвез, у подъезда высадил, Михаилу Ивановичу отзвонился, что все в порядке, – тут Красавчик подтверждающее кивнул, – и в гараж вернулся. Все!

– Скажи, он был сильно выпивши? – поинтересовалась я.

Парень помялся, посмотрел на Красавчика, а потом все-таки выдавил:

– Заметно. – И тут же стал оправдывать Смирнова. – Так все же ведь под настроение. Бывает, что и от ста грамм можно захмелеть, а бывает, что и пол-литра на душу примешь, и ни в одном глазу. Все от нервов зависит! Ну и от закуски, конечно.

– Какое у него было настроение? Хорошее? Плохое? Он выглядел расстроенным или, наоборот, веселым? – тянула я из него.

– Смурным, – подумав, ответил парень. – В окно все смотрел, задумчиво так... Да! Он перед тем, как из машины выйти, вздохнул и головой помотал! В общем, плохое у него было настроение! – подытожил он.

– Ладно, иди! – разрешила я и предупредила: – Если чего вспомнишь, сразу же скажи Михаилу Ивановичу или мне!

Парень согласно покивал и вышел, а я спросила:

– Остальные где?

– А с ними вы в другом месте поговорите, – пообещал Красавчик.

– Ну так и ведите меня в это другое место, – сказала я и, взяв папку, поднялась со стула.

Мы вышли в коридор и приблизились к самой дальней двери, табличка на которой сообщала, что это аналитический отдел. Красавчик отпер дверь, и мы вошли. Внутри стоял обычный офисный стол с крутящимся креслом, компьютер, шкаф с многочисленными папками, окна закрывали жалюзи... Словом, кабинет как кабинет, только вид у него был совершенно необитаемым, словно тут никто никогда не работал.

– Ну и где же здесь спал Смирнов, если последние две недели, как сказал господин Куратор, не вылезал с работы? На столе? – невинно поинтересовалась я.

– Не совсем, – спокойно ответил Красавчик.

Подойдя к шкафу, он на что-то нажал, и шкаф отъехал в сторону.

– Прошу! – сказал он и сделал приглашающий жест рукой, но вошел первым и включил свет.

Я последовала за ним и, оглядевшись, невольно присвистнула: одна из стен большой комнаты была почти сплошь покрыта выключенными мониторами, а на столе возле них... Нет, не настолько я продвинутый пользователь компьютера, чтобы разобраться в этом. Но, судя по папкам, бумагам, справочникам и так далее, здесь действительно работали, причем не только работали, но и отдыхали – в кабинете стоял огромный плазменный телевизор, комфортабельный диван и большое, уютное кресло, куда можно легко забраться с ногами, а, поскольку кресло было только одно, гостей здесь явно не принимали.

– Осмотритесь, – предложил мне Красавчик. – Если у вас появятся вопросы, я отвечу на любые.

– Подождите, – удивилась я. – Дверь аналитического отдела была последней в коридоре! Дальше идти некуда! Так, где же я?

Подойдя к окну, я отодвинула жалюзи и... То, что я увидела на улице, казалось настолько нереальным, что я усомнилась в своем здравом рассудке – там была настоящая русская зима: на ветках лежал пушистый снег и сидели снегири, на земле – сугробы, а самое главное, там был ясный солнечный день! Я посмотрела на часы – все нормально, время к одиннадцати, но вечера! Вид у меня был наверняка обалдело-растерянный, но Красавчик без тени насмешки пояснил:

– Не удивляйтесь, Татьяна Александровна. Мы с вами сейчас находимся на втором этаже здания, которое выстроено стена к стене с нашим офисом. Оно также принадлежит нашей фирме, и именно здесь живет и работает Вадим Сергеевич. На втором этаже он, а на первом обслуживающий персонал, кухня и прочие подсобные помещения. Окна заложены так, что снаружи этого не видно, а изнутри вставлены картины, которые периодически меняются, для создания у господина Смирнова хорошего настроения.

Я отправилась смотреть дальше и, открывая одну дверь за другой, изо всех сил старалась не показать, насколько я поражена: в спальне стояла кровать, на которой при желании могла бы с комфортом расположиться чета гиппопотамов вместе с детенышем. Шкаф, куда я заглянула, был забит такой одеждой и обувью, что у меня глаза на лоб полезли, – Франция, Италия, Испания, Англия... И все фирменное, самого высокого качества. Костюмы, рубашки, галстуки, дубленки, кожаные и замшевые плащи и куртки, разнообразные меховые шапки, включая и соболью, шляпы... Я повернулась к Красавчику, и он объяснил:

– Вадиму Сергеевичу приходится постоянно контактировать с людьми, которые придают очень большое значение внешнему виду, – сами знаете: по одежке встречают! И все это заказывалось по каталогам, но он к таким вещам был совершенно равнодушен. Для него это являлось просто рабочей одеждой.

Я пошла дальше и попала в ванную комнату с джакузи, душевой кабиной и обычной ванной. Плитка на полу, кафель на стенах, даже унитаз, черт бы его побрал, были невероятно красивыми и очень удобными, а, значит, сумасшедше дорогими и качественными. Немного отойдя от шока, я спросила:

– Так именно отсюда Смирнов тогда и вышел? Об этом парнишка говорил: «его подъезд»?

– Да, – подтвердил Красавчик. – И охрана там такая, что муха не пролетит. К тому же дверь открывается только изнутри.

– Кстати, а другие работники фирмы знают об этом? – я повела рукой вокруг. – Они могли догадываться о том, чем в действительности занимается Вадим Сергеевич?

– Нет, – твердо заявил Красавчик. – Они все уверены в том, что господин Смирнов, как зять Ивана Степановича, просто просиживает здесь штаны, да и то очень редко. Эдакая

синекура. Так что отношение к нему соответственное, в друзья и приятели никто не набивался, тем более что дверь в аналитический отдел всегда закрыта.

– Да уж! Отсекли вы от него всех, кого только возможно, – хмыкнула я. – А здесь небось все просматривается и прослушивается?

– Как раз нет, – покачал головой он. – Потому что Вадим Сергеевич имел обыкновение вслух рассуждать над решением своих задач...

– О которых никому знать не положено, – закончила я. – Но телефоны-то прослушивались?

– Да, – нимало не смутившись, подтвердил он. – Но Вадим Сергеевич практически не пользуется сотовым телефоном – ему, извините, звонить теперь некому, вон он и сейчас на столе лежит, а для связи с прислугой существует звонок.

– А жене? – удивилась я.

– Если ей что-то надо, то она передает через отца, сам же он с ней предпочитает не общаться – там, как я говорил, очень своеобразные отношения, – уклончиво объяснил Красавчик.

– Ладно, сама разберусь, что это за тайны мадридского двора, – отмахнулась я и потребовала: – Давайте сюда остальных работников.

– Сначала я вам расскажу о них. Это Галя и Оксана, они обслуживали Вадима Сергеевича, – начал Красавчик.

– А в интимном плане тоже? – невинно поинтересовалась я.

– Нет, – совершенно серьезно ответил он. – Эти две женщины приехали в Москву из Украины, чтобы найти работу. А нашли их мы и привезли сюда. Они обе из одного села под Полтавой, у них там остались семьи, дети, туда они и деньги отправляют, но поехать навестить родных они не могут. Вот их-то переговоры, переписку и перемещения по городу мы самым тщательным образом отслеживаем. Но платят им весьма и весьма неплохо, и они очень дорожат своей работой, несмотря ни на что. Кроме того, Вадим Сергеевич периодически отдавал им вещи и обувь, которые уже вышли из моды, причем порой совершенно новые, чтобы они отправили их домой, за что обе безмерно ему благодарны. Я уверен, что, если бы он только намекнул, то любая из них с радостью прыгнула бы к нему в постель, но! – тут он выразительно посмотрел на меня. – Если вы еще не поняли: Вадим Сергеевич человек невероятной честности и порядочности, и он никогда бы даже не подумал о том, чтобы использовать зависимое положение этих женщин для удовлетворения собственных нужд, не предусмотренных контрактом.

– Я все поняла, – кивнула я, чувствуя себя неловко, хотя подобную отповедь я вполне заслужила, хоть и произнесена она была самым вежливым тоном. – Зовите!

Появившиеся на его звонок женщины, лет тридцати пяти на вид, были настоящими хохлушками, крепко сбитыми и аппетитными, как пончики. Чувствовалось, что ущипнуть их так же невозможно, как хорошо надутый мяч. Обе смотрели на меня с нескрываемой надеждой, а потом одна из них не выдержала и сказала:

– Шановная пани, вы вже пошукайте пана Вадима. Він такий добрий, такий щирый.

Они обе, естественно, понимали, что без него работы у них никакой не будет и придется искать новую, и еще неизвестно какую, да и будет ли она вообще.

– Я найду, – твердо пообещала я. – Но вы должны мне помочь.

Тут они с величайшей готовностью усталились на меня, и вторая спросила:

– Так чоґо робыть?

– Расскажите мне абсолютно все, что происходило в пятницу, в мельчайших подробностях, – попросила я.

– Пан Вадим много работав, ой много, – начала одна. – Усю ничь кофе пив да кури́в, пив да кури́в. А потом мне позвонив и казав, шо спать ляґяе, и я отдыхать могу.

– А утром позвонив, и я ему завтрак принесла, – продолжила вторая. – Оладушки з медом...

– Это неважно, что он ел, – отмахнулась я.

– Я ему сказала, что борщ з пампушками буде, он его дуже любить, – продолжила она, – а вин казав, шо в другом мисте поист, тай кофе попросив. Ну я и принесла. А потом вин позвонив и казав, шо до дому пийдетъ. И уйшов. Усе.

– Больше ничего? – уточнила я.

Она подумала и сказала:

– Смурной вин був, казав, шо пийдетъ свий долг сполняти.

Поняв, что ничего нового я у них не узнаю, я хотела было отправить их вниз, но, вспомнив о том, что мне еще предстояло изучить личное дело Смирнова, которое, как я поняла, мне ни в коем случае не позволят вынести отсюда, а время уже позднее, попросила:

– А принесите-ка мне побольше самого крепкого кофе.

Они покивали и ушли, а я повернулась к Красавчику:

– Михаил Иванович, вы не возражаете, если я поработаю здесь. Тут как-то комфортнее, чем в соседнем пустом кабинете. Обещаю, что в секретных документах копать не буду.

– Конечно, работайте, – с готовностью согласился он. – И девушками распорядитесь так, как вам нужно. А секретные документы Вадим Сергеевич мне еще в пятницу перед уходом с рук на руки сдал, и теперь они в сейфе. Я могу еще чем-то вам помочь?

– Нет, спасибо. День сегодня не из легких, так что отдых и вам не помешает.

– Я на всякий случай останусь в комнате охраны, так что, если понадобится, то без малейших колебаний... – он протянул мне визитную карточку.

– Но дверь-то вы закроете, – хмыкнула я.

– Обязательно, – кивнул он. – Но вы сможете позвонить, и я тут же приду. Желаю вам плодотворно потрудиться.

С этими словами он ушел. А я... Черт! Любопытство стугбило кошку, но так ничему и не научило остальных! Я решила посмотреть, что у Смирнова в ящиках стола – если комната все-таки просматривается, то я всегда могу объяснить это тем, что искала какие-нибудь зацепки, способные помочь в поисках. Естественно, что тут до меня наверняка хорошенько покопался Красавчик, но... Любопытство! Ничего полезного я, конечно же, не нашла. А вот на начатый блок сигарет «Мальборо» наткнулась, причем самых настоящих, американских. Курить я бросила, так что бестрепетно положила сигареты обратно. Тут и кофе подоспел, причем большущий кофейник, и блюдо с малюсенькими, но как выяснилось, вкуснейшими пирожками с разнообразной начинкой, и я, с комфортом устроившись на диване, стала просматривать бумаги.

Раскрыв папку, я поняла, что начинать надо с конца, потому что сверху лежали самые последние документы. Я читала и попутно записывала в органайзер все, что мне предстояло сделать.

Итак, родители Вадима поженились, когда мать была студенткой мединститута, а отец – курсантом военного училища, и Вадим родился в Тарасове, но уехал отсюда ребенком. Потом гарнизонная жизнь отца, мать работала вольнонаемным врачом по месту службы мужа... Так, Хабаровск. Оттуда Сергей Вадимович Смирнов был направлен в Афганистан, а вот живым уже не вернулся, погиб. Вадим с матерью прожил в Хабаровске до окончания школы, причем с золотой медалью – ну это, видимо, командование пошло навстречу вдове и оставило ее работать, пока сын школу не окончит. Далее они вернулись к родителям матери в Тарасов. Тут Вадим поступил в экономический институт... Ага... А женился он на втором курсе перед зимней сессией на Ларисе Ивановне Шмаковой. Ну понятно! Студенческий брак! Странно, что он так долго продержался. Хотя... При таком тесте как-то не очень выгодно разводиться было – он же явно не из простых. А вот сейчас... Сейчас, судя по тому, как бушевал Куратор, Вадим для людей гораздо более ценен, чем его тесть, и, если... Тьфу! Не если, а когда он найдется,

то Вадим вполне сможет послать эту семейку куда подальше. Что у нас дальше? А вот дочка Жанна! Как я и предполагала, родилась через пять месяцев после свадьбы, значит, это был брак по залету. Странно, мать – врач, а не научила сына предохраняться. Ну да ладно, это сейчас уже неважно!

Кофе был превосходен, крепок и ароматен, но... Время-то уже за полночь, а я за день намоталась так, словно не я на машине ездила, а ее за собой тащила. Одним словом, я начала клевать носом. Второй кофейник помог, но ненадолго. Тогда я отправилась в ванную и осторожно, чтобы не повредить макияж, ополоснула лицо холодной водой. Вернувшись, я нажала на звонок, и в комнате мигом появилась Оксана.

– Будьте добры, принесите мне, пожалуйста, еще один кофейник с кофе, – попросила я.

– А як же, – с готовностью ответила она и чуть ли не бегом скрылась из виду.

Вернулась она довольно быстро и поставила на стол не только большой кофейник, но и блюдо с домашним рассыпчатым печеньем.

– Снидайте, будь ласка! – радушно предложила она и ушла.

Холодная вода и кофе сделали свое дело, я снова взбодрилась и стала изучать документы дальше.

Оказалось, что сразу после сессии Вадим перевелся на заочное отделение и поступил на работу в Тарасовское отделение Центробанка. Интересно, а как он туда попал? Тут я вспомнила, из какого дома вышел, а, точнее, выбежал в пятницу Вадим, и поняла, что тут не иначе как сработала мохнатая лапа его тестя. Угу! Там-то Вадим и проработал до того момента, как перешел в «Янтарь», то есть... Нет, он не перешел, это фирму ради него создали. Ну с биографией все, теперь почитаем доносы или, как тут изящно написали, рапорты на имя какого-то Сазонова, не иначе, как это предшественник Красавчика, а подписаны они были каким-то Трифоновым. А поскольку все они касались поездок Вадима, то я поняла, что это был тот самый уволившийся постоянный водитель Смирнова.

Я выписывала из доносов адреса, по которым Трифонов возил Смирнова. Так, сначала это были дома на Пирогова и матери Вадима, больницы, санатории, а также театры, разнообразные рестораны и бары, которые Вадим посещал, судя по записям, с женой – значит, сначала у них все было хорошо. А вот это что? Я посмотрела на дату... Ба, да это десять лет назад было, какой-то А.Т. Причем без пояснений. Нет, вряд ли пригодится, но на всякий случай я выписала и его – пусть будет. Я посмотрела дальше и увидела, что Вадим перестал где-либо появляться с женой, то есть их отношения испортились настолько, что дальше некуда. А вот адрес неопознанного А.Т. стал повторяться раз за разом и исчез только около трех лет назад. Ничего, разберемся. Ага! Три года назад фамилия Трифонова исчезла, и дальнейшие доносы были подписаны разными фамилиями, они тоже касались исключительно поездок Вадима. Только адрес матери был уже другим, прибавились рестораны национальной кухни и кладбище полгода назад.

Отложив просмотренную папку, я начала составлять план действий, исходя из того, что Вадим сбежал и у кого-то прячется, а не погиб. Это за меня милиция с уголовниками выяснит, так что не стоит на это отвлекаться. За неимением одноклассников, которые находятся в Хабаровске, куда без паспорта не добраться, я решила пообщаться с однокурсниками. Далее шли соседи матери по обоим адресам – уж они-то всю подноготную знают. Семья... Судя по всему, отношения там те еще, так что... Но для проформы посетить стоит. Водитель Трифонов? Раз он столько лет продержался, то это говорит о том, что общались они нормально. Будь иначе, его бы мигом сменили, но куда он исчез? Может, умер или погиб? Ладно, выясню! Сиделка матери? Так той уже и след простыл. Однако интересно, почему мать свою квартиру именно ей завещала, а не горячо любимому сыну. Видимо, решила, что он и так всем обеспечен выше крыши. Сослуживцы матери и отца... Хотя... Тут я снова полезла в папку. Вот растяпа! Мать же сюда уже инвалидом приехала и нигде не работала, на пенсию жила. А по поводу сослужив-

цев отца... Так сколько лет прошло! Их и не найти теперь! Да Вадим, живя под таким строгим колпаком, и поисками заняться бы не смог. Ей-богу, словно на цепь его посадили и каждый вздох отслеживали, паразиты! Жалко мне было Смирнова – сил нет! Но это лирика, а мне сейчас о деле думать надо! Да, еще хорошо бы съездить в «Тадж-Махал» на всякий случай! Ну а дальше война план покажет!

В какой именно момент я вырубилась окончательно, я не помню, но проснулась от звонка моего сотового, который надрывался изо всех сил. Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь, но потом вспомнила и поплелась к сумке. Взяв телефон, я увидела, что два звонка уже пропустила, а вот номер не определялся. Это оказался Сомов, и он был краток:

– Мы здесь ни при чем! Слово вора! Помни, что обещала! – а дальше короткие гудки.

Ну слава богу, хоть с этим ясно, подумала я и позвонила Твердохлебову.

– Руслан Петрович! Уголовники уверяют, что они не причастны к исчезновению Смирнова. Поверим на слово?

– Думаю, что да. Мне тут доложили, что шухер в городе стоял неслабый. Братки и прочая нечисть всю ночь по Тарасову гоняли и шерстили так, что только визг стоял. А сейчас наши пошли частым бреднем город прочесывать, если что выясню, тут же позвоню, – усталым голосом говорил он – видимо, тоже всю ночь работал. – Теперь по всем больницам, моргам и так далее. Мы, ты только не обижайся, тебя перепроверили – нет там Смирнова. По аэропорту, вокзалам, кассам электричек, постам ГИБДД, гостиницам... Ну ты сама понимаешь, что такое аврал по всей форме... Короче, пусто! Записи камер видеонаблюдения, что вокруг его дома, все просмотрели, но попал он только под одну – супермаркета, что сразу за его домом – он же за угол свернул. А потом он пошел в Колокольный переулок. Только у выхода из этого переулка на Московскую банк стоит, а его там на записи нет.

– То есть в переулок он вошел, но не вышел? – воскликнула я. – Так он же всего в один квартал длиной! – Город я знала лучше, чем собственную квартиру. – По одну сторону высокий бетонный забор хлебозавода, а по другую – маленькие одноэтажные домишки.

– Точно! Там такой шмон провели, что аж всех клопов с тараканами проверили. Короче, нет его там! – уверенно заявил генерал.

– Погодите! – почти закричала я. – Но по другую сторону от этих домишек стройка идет...

– Татьяна! – взорвался Твердохлебов. – Ты меня за дурака держишь? Да там все чуть ли не с лупой облазили! Кроме того, именно на эти домишки у подрядчика камеры видеонаблюдения направлены, потому что народишко повадился стройматериалы воровать, вот и установили. Короче, не выходил он там!

– Куда же он мог деться? – задумалась я, и тут меня осенило: – Руслан Петрович! Так ведь забор хлебозавода не до самой Московской идет! Там же от угла Колокольного до Некрасова по Московской девятиэтажка во весь квартал стоит, и двор у нее проходной, на Некрасова и выходит! Если он вдоль забора прошел, а потом свернул в этот двор, а оттуда на Некрасова, то теперь ищи-свищи!

– Там шлагбаум, не проехать, – отмахнулся генерал.

– Но пройти! – возразила я.

– О, черт! – зло прошипел он и мрачно пошутил: – Значит, будем дружно искать-свистеть! – А потом уже более бодрым тоном сообщил: – Кстати, принимаю поздравления.

– Улов был хороший? – догадалась я.

– Более чем, – удовлетворенно заявил он. – Так что будет, чем прикрыться от начальственного гнева. С меня причитается.

– Беру исключительно хорошим кофе, – предупредила я.

– Будет самый лучший, – заверил он и поинтересовался. – А как у тебя дела?

– Наметила план действий и собираюсь немедленно начать его претворение в жизнь, – сообщила я.

– Если помощь... – начал было он, но я не дала ему договорить и пообещала:

– Обращусь всенепременно!

Осмотрев себя, я поняла, что с благими намерениями придется подождать – ночь я провела на диване, не раздеваясь, и, видимо, уже во сне сменила положение «сидя» на положение «лежа», отчего на щеке отпечатался рисунок кожаной обивки, волосы были растрепаны, макияж потек и напоминал теперь боевой раскрас вышедшего на тропу войны индейца. Одним словом, я сама на себя не могла смотреть без сожаления, а ведь мне предстоит с людьми встречаться. Жалко время терять, а делать нечего – нужно ехать домой и приводить себя в порядок. Сообразив, что самой мне из этой цитадели не выбраться, я позвонила Красавчику. Тот появился со скоростью черта из коробочки и, в отличие от меня, вид имел самый бодрый и ухоженный, что расстроило меня еще больше. Он и так мне активно не нравился из-за неприкрытого желания услужить властям предрежащим, а тут еще и цвел майским ландышем на моем сильно потрепанном фоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.